

Ялозина Елена Алексеевна

ПЛАТА ЗА ОБУЧЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В 1920-Е ГГ.

В статье рассматриваются причины вынужденного пересмотра большевистской политики государственного финансирования школы в конце 1922 г. Показаны особенности введения платы за обучение, ее дальнейшая регламентация и свертывание в начале 1930-х гг. на фоне декларации советской властью принципа всеобщего обучения и его законодательного закрепления. Подчеркивается значение платы за обучение как источника многоканального финансирования советской школы в условиях новой экономической политики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/62.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. III. С. 218-221. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Мирча А. В.** Образование и гендерная трансформация в условиях культурной глобализации Японии // *Философия образования*. 2010. № 1 (30). С. 153-161.
5. **Рассел Б.** История западной философии. М.: МИФ, 1993. Т. 1. 509 с.
6. **Синицына Л. Н.** Гендерные стереотипы в социокультурной реальности // *Magister Dixit*. 2013. № 1. С. 12-19.
7. **Тукачева Е. С.** Историко-философская интерпретация гендера // *Общество: философия, история, культура*. 2011. № 1-2. С. 70-77.
8. **Фофанова К. В.** Сценарии развития гендерного образования в высшей школе // *Интеграция образования*. 2004. № 3 (36). С. 43-49.
9. **Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения: 21.08.2015).
10. **Шустова Л. П.** Гендерная толерантность школьника: теория и практика воспитания: практико-ориентированная монография // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 5. С. 214-216.
11. **Яковенко Л. Н.** Идеи ценностей образования в контексте развития западноевропейской философии // *Научный альманах Центрального Черноземья*. 2015. № 1. С. 72-74.
12. **Grünberg L.** Gendering Research: from Skepticism to Trust // *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2010. № 1 (1). P. 2-10.
13. **Policek N.** From Gender Studies to Gender in Studies. Case Studies on Gender-Inclusive Curriculum in Higher Education // *Gender and Education*. 2012. Vol. 24. № 4. P. 464-465.

AXIOLOGICAL ASPECT OF GENDER SUBJECT MATTER IN PHILOSOPHY OF EDUCATION

Yakovenko Lyudmila Nikolaevna

Kursk State Agricultural Academy named after Professor I. I. Ivanov
yakovenko66@yandex.ru

The study of gender values in relation to the theory and practice of domestic education is directly connected with feminism intensification in the renewed forms of West European philosophical discourse against the background of the gradual modification of the basic value norms. The necessity of the comprehension of the impact of gender theory on the formation of the world outlook of the young generation is highlighted. Attention is paid to the socio-cultural specificity of gender approach in upbringing based on the principles of tolerance and partnership.

Key words and phrases: gender education; gender values; tolerance; equality of rights; general education; professional education.

УДК 93/94(47).084

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются причины вынужденного пересмотра большевистской политики государственного финансирования школы в конце 1922 г. Показаны особенности введения платы за обучение, ее дальнейшая регламентация и свертывание в начале 1930-х гг. на фоне декларации советской властью принципа всеобщего обучения и его законодательного закрепления. Подчеркивается значение платы за обучение как источника многоканального финансирования советской школы в условиях новой экономической политики.

Ключевые слова и фразы: Народный комиссариат просвещения; А. В. Луначарский; Десятый Всероссийский съезд Советов; советская школа; всеобщее обучение; советское учительство; финансирование школы; плата за обучение; Конституция.

Ялозина Елена Алексеевна, к.и.н., доцент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
elena_yalozina@mail.ru

ПЛАТА ЗА ОБУЧЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В 1920-Е ГГ. ©

Смена парадигмы общественно-политического и экономического развития России на рубеже XX-XXI вв. включала трансформацию модели отечественного образования, созданной в советский исторический период и оптимально функционировавшей на протяжении нескольких десятилетий. Современная государственная политика и мероприятия, проводимые по реформированию системы образования, воспринимаются общественно-педагогическим сообществом неоднородно. При этом приверженцев концепции и методов проводимой оптимизации и апологетов традиционной модели образования объединяет понимание необходимости сохранения доступности и бесплатности всеобщего школьного образования, то есть того принципа, который стал реальностью отечественной системы образования в начале 1930-х гг. как результат ведомственных усилий Народного комиссариата просвещения (далее – Наркомпрос) и социально-экономических компромиссов советского правительства – Совета народных комиссаров (далее – Совнарком) – в период новой экономической политики (далее – НЭП).

Сохранение в условиях современной турбулентной экономической конъюнктуры системы бесплатного всеобщего школьного образования является актуальным вопросом внутренней политики российского государства. В связи с чем представляется своевременным обратиться к исторической реконструкции становления феномена всеобщего бесплатного начального обучения (далее – всеобуч) в раннесоветский период.

Определяющим направлением национальной государственной политики, общественно-политической и педагогической мысли начала XX в. в предреволюционное десятилетие (1906-1917 гг.) был поиск путей реформирования отечественной школы и ее демократизации. Деятельность российского правительства и Государственной думы в этот период была направлена на поиск оптимальной модели отечественной системы образования и на распространение всеобуча, а также определение источников его финансирования. Изменение политической системы в октябре 1917 г. придало революционный импульс желанию советской власти построить демократическую новую школу. В основе принципов развития такой школы, представленных Наркомпросом в «Положении о единой трудовой школе РСФСР» и «Основных принципах единой трудовой школы РСФСР», была, с одной стороны, их очевидная преемственность с прогрессивными общественно-педагогическими идеями дооктябрьского периода и, с другой стороны, их творчески-революционная интерпретация. В этих документах советская власть декларировала приверженность единой бесплатной, доступной всему молодому поколению, независимо от социального, имущественного положения, школе. Принцип бесплатного образования был закреплен в Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 17) и отражал суть диктатуры пролетариата в области образования: государство провозглашало полное всестороннее и бесплатное образование только для рабочих и беднейших крестьян [4, с. 142].

Однако практическая реализация задачи всеобуча, получившей свое нормативно-правовое закрепление в первых государственных актах советской власти, в ближайшей перспективе откладывалась. Хозяйственно-экономические последствия гражданской войны, неразработанность и необеспеченность механизма финансирования всеобуча, позже отягощенные системным кризисом начала 1920-х гг., привели к деструктивным процессам в сфере образования. Это выразилось в вынужденном секвестировании государственного финансирования школы, заметном сокращении ее сети, в многомесячных задержках и невыплате заработной платы школьным работникам.

Переход советской власти к НЭП как к антикризисной модели социально-экономического развития повлек за собой тактический пересмотр принципа государственного финансирования советской школы и бесплатного обучения в ней. Вопрос о состоянии системы образования в новых экономических условиях был впервые поставлен и законодательно оформлен X Всероссийским съездом Советов (декабрь 1922 г.) – высшим органом государственной власти. В своем решении по вопросу всеобуча съезд вынужден был пойти на политический компромисс и допустить в виде временной меры, рассчитанной на тяжелый переходный период, введение в школах платы за обучение [2, с. 73-90]. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, выступавший на съезде, с горечью признавал, что в период гражданской войны его ведомство выжило только за счет эмиссионного бюджета, prodrazверстки, а также различных остатков материальных ресурсов, которые с дореволюционных времен находились в запасах губерний [3; 12]. Съезд констатировал, что смета Наркомпроса в настоящее время государству не под силу, принял решение о ее сокращении и переносе забот о материальном обеспечении системы образования на места [2, с. 97-98].

Школы и почти весь их персонал были сняты с центрального финансирования. За Наркомпросом оставили расходы на заработную плату 50% учителей чрезвычайно сократившейся к этому времени школьной сети. Были уменьшены все остальные статьи и объемы финансирования образования из центрального бюджета, основная тяжесть затрат на школьную систему перекладывалась на плечи местных властей и их неустойчивый бюджет. А так как местный бюджет в 1922-1923 гг. еще не был организационно-финансово оформлен, то власти ничего не оставалось делать, как принять решение о дальнейшем контролируемом постепенном уменьшении сети школ. Вскоре процесс стал стихийно разрастаться, приобрел характер «судорожного панического сокращения» [3, с. 14], когда учителя массово уходили из школ в поисках заработка и средств существования, на двери учебных заведений вешался замок, а их окна заколачивались. Сокращение школьной сети в разных губерниях достигало 45-60% и более, ее показатели опустились ниже уровня 1914 г. Среди учительства множились ужасающие девиантные факты нищенства, преждевременной смерти, заболеваний, проституции, попрошайничества, самоубийства. А. В. Луначарский, говоривший о кризисе школьной системы на X Всероссийском съезде Советов, подчеркивал, что положение учителя потрясает колоссальной несправедливой оплатой их труда, не соответствующей образованию и квалификации. Заработная плата, которую получал учитель, была в 6-8 раз ниже заработной платы рабочего, в 3 раза меньше зарплаты медицинского работника. А. В. Луначарский вопрошал: «Это какое-то неосознанное отношение к учителю, как априори к парию (*Отверженный, бесправный – Е. Я.*). Он почему-то должен втрое меньше есть, чем медицинский работник, и в 6 раз меньше, чем уважающий себя пролетарий?» [Там же, с. 14-15].

Таким образом, в условиях разрастающегося кризиса системы народного образования и вопиющего проявления его жестоких признаков в начале 1920-х гг., советская власть вынужденно признавала отсутствие необходимой материально-технической, финансовой, кадровой базы для дальнейшего осуществления всеобщего бесплатного школьного обучения, а поэтому искала способы сохранения и поддержания школы путем привлечения альтернативных внебюджетных источников ее финансирования – средств населения. Местные власти, на чьи плечи государство возложило ответственность сохранения системы образования, на протяжении 1920-х гг. активно задействовали различные способы привлечения денежно-натуральных средств состоятельных

и малоимущих слоев населения: самообложение родителей учеников, различные формы взиманий на нужды школ, проводимые комитетами содействия школам, мобилизационные кампании среди населения, шефские отчисления, натуральные и денежные взносы в различные фонды по поддержке школы.

К общему ряду этих мероприятий относится и взимание платы за обучение, официально санкционированное в декабре 1922 г. X Всероссийским съездом Советов. Попытки введения платного обучения на местах предпринимались в советской России уже с 1921 г. Однако подобные инициативы в тот период пресекались большевистским правительством и рассматривались как преступление в соответствии с основным принципом государственной просвещенческой политики о бесплатном образовании. Вплоть до конца 1922 г., руководствуясь идеологическими и политическими принципами, органы народного образования пытались административными способами воспрепятствовать практике введения платы в школах. Однако темпы сокращения школьной сети, увольнения учителей, сокращение контингента учащихся становились катастрофическими, что ставило под удар сам процесс обучения и дискредитировало идею советского всеобуча.

На основе решений прошедшего съезда, в январе 1923 г. Наркомпрос разработал «Положение о плате за право учения», в соответствии с которым она должна была взиматься по принципу классовой дифференциации плательщиков и в зависимости от заработка родителей учащихся. Основная тяжесть проблемы переносилась на плечи более обеспеченных слоев населения, а менее обеспеченным слоям трудящихся, инвалидам войны гарантировались льготные условия платности или бесплатность государственного образования. Положение определяло, что плата за учебу в школах городов и поселений городского типа должна взиматься с граждан, живущих на средства, получаемые от торговых, промышленных и других приносящих доход предприятий, а также со служителей церкви, граждан свободных профессий – адвокатов, художников, ремесленников и других. С рабочих и служащих плата взималась в том случае, если их заработок был не менее 20-30 рублей. Отчисления от зарплаты в этом случае составляли 1-5% за одного ребенка, независимо от числа обучающихся детей в семье. От платы за обучение освобождались низкооплачиваемые рабочие, государственные пенсионеры, безработные, круглые сироты, инвалиды труда и войны, военные, а также работники просвещения, состоявшие на службе в учреждениях Наркомпроса [7, с. 39].

Дальнейшей регламентацией этого решения, установлением форм оплаты обучения, выработкой инструкций о порядке взыскания денежных средств с различных категорий учащихся занимались отделы народного образования всех уровней совместно с исполкомами и профсоюзами. Согласно положению, плата за обучение должна была вводиться в школах областных центров с 1 января 1923 г., а в школах окружных центров – с февраля 1923 г. Однако реализация этих установок проходила трудно и неравномерно. Школы, которые прежде уже практиковали взимание платы, с введением положения лишь легализовали и регламентировали свои действия. Другие учебные заведения начали постепенно вводить положение лишь после его опубликования. К концу учебного года оставались и такие школы, где плата за обучение все еще не была введена [5, с. 5]. Первые результаты платного всеобуча показали нерадостную картину: собранные суммы были намного меньше предполагаемых, отток учащихся, не сумевших заплатить за обучение в начале нового 1923/1924 учебного года, в среднем составил 12-15% [7, с. 40]. Такие последствия, безусловно, вызывали серьезную обеспокоенность Наркомпроса. Тем не менее, дальнейшие упорядочение и активизацию многоканального общественно-государственного финансирования школы, опиравшегося на средства населения, в том числе на плату за обучение, власть рассматривала как оптимальный вариант сохранения школьной системы в период кризиса начала 1920-х гг. и в последующий период НЭП. В условиях продолжающегося государственного недофинансирования системы образования в 1924-1926 гг. механизм осуществления процедуры взимания платы за обучение приобретал более четкий и определенный характер. Комитетам содействия школе, куда входила родительская общественность, было предоставлено право наблюдения за проведением в жизнь положения о платности обучения и рассмотрения всех вопросов, связанных как с увеличением платы, так и со снижением или освобождением от нее. Стоимость обучения в этот период была изменена на основании специального распоряжения Наркомпроса. В незначительной мере повышение коснулось рабочих и служащих, заработок которых составлял более 30-120 рублей. Для других категорий населения, чьи доходы превышали указанные, плата за обучение их детей в школе была увеличена в 1,5-3 раза [1, д. 13, л. 80-82].

Несмотря на сохранение платы за обучение, советская власть подтверждала свою приверженность демократической просвещенческой политике и закрепляла принцип бесплатности образования в ст. 8 Конституции РСФСР 1925 г. По сравнению с соответствующей нормой предыдущей Конституции 1918 г., классовый радикализм в значительной степени был ослаблен: теперь конституционной признавалась задача полного, всестороннего и бесплатного образования для всех трудящихся, а не только для рабочих и беднейших крестьян [4, с. 529].

Улучшение экономического положения страны в условиях НЭП, завершение восстановительного периода, приближающаяся 10-летняя годовщина социалистической революции побудили власть в 1926 г. вернуться к вопросу о возможности отмены платы за обучение и реализации декларированного конституционного принципа всеобуча. Итоги обсуждения этого вопроса в местных партийных комитетах и отделах народного образования показали, что для осуществления задачи превращения школы в общедоступную и отмены платы за право обучения необходимо было значительно усилить долю участия отделов народного образования в местном бюджете до 40%. Сделать это, по расчетам отделов народного образования, представлялось возможным, в лучшем случае, лишь к концу 1920-х гг. [6, с. 31-32].

Исходя из сложившейся ситуации, Совнарком и Наркомпрос заявили о неотложной необходимости восстановления материально-технической базы школьной сети, решения задачи всеобуча в ее конституционном

формате путем постепенной отмены платы за обучение. Отделы народного образования стали рассматривать и удовлетворять заявления о сокращении размеров платы за обучение в школе или освобождения от нее от граждан различных социальных категорий, чья материальная необеспеченность была доказана. Эти мероприятия распространялись даже на церковных служителей: в ответ на письмо духовенства с просьбой облегчить им условия платы за право учения или освободить от нее по причине тяжелого материального положения Наркомпрос в феврале 1927 г. принял решение об удовлетворении заявлений. В циркулярах, разосланных на места, ведомство разъяснило свою позицию и тактику поведения органов народного образования на местах в этом вопросе. «Нет оснований, – отмечалось в документе, – лишать детей духовенства возможности обучаться в школе, поэтому в каждом отдельном случае, когда материальная необеспеченность доказана, должно допускать отступления от общепринятых правил и освобождать детей духовенства от платы или предоставлять соответствующие льготы» [7, с. 42].

Упразднение платы за обучение в школе стало возможным в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в связи с увеличением государственных ассигнований на народное образование. С 1933 г. при Наркомпросе РСФСР стал существовать центральный ссудный фонд из средств госбюджета на учебно-политехническое оборудование школ, а с 1934 г. начальная и средняя школы получали устойчивое государственное финансирование. В 1936 г. советская власть не без основания констатировала реализацию права советских граждан на бесплатное образование, подтвердив его в ст. 121 новой Конституции СССР [4, с. 728].

Таким образом, реконструкция истории развития раннесоветской системы народного образования, основанной на принципе всеобщего, показывает, что реализация поставленных задач была изначально отягощена проблемами финансирования. Поэтому в условиях НЭП, исходя из экономической целесообразности, в качестве временной меры власть признала возможным и необходимым возложить часть расходов по обучению детей в школах на общество и родителей, используя таким образом паллиативную систему и методы общественно-государственного многоканального финансирования образования.

Такой источник внебюджетной материально-финансовой поддержки советской школы как плата за обучение в ней определенных категорий граждан на протяжении почти десятилетия был востребован и являлся важной составляющей в системе многоканального финансирования школы. Новая экономическая политика в области системы образования 1920-х гг. позволила советской власти не допустить критической деструкции школы, поддерживать ее состояние в качестве важного функционирующего института общества, несмотря на серьезные управленческие, материально-технические проблемы того периода.

Общая экономическая конъюнктура начала 1930-х гг. позволила советской власти свернуть платность обучения в школе и приступить в дальнейшем к ее реформированию на базе системной реализации принципа всеобщего – всеобщего бесплатного обязательного начального образования советских детей.

Список литературы

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-64. Оп. 1.
2. Десятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23-27 декабря 1922 г.): стенографический отчет с приложениями. М.: Издательство ВЦИК, 1923. 223 с.
3. Доклад Наркомпроса на X Всероссийском съезде Советов. Речь А. В. Луначарского // Народное просвещение. 1923. № 2. С. 11-17.
4. История Советской Конституции: в документах, 1917-1956 гг. / сост. А. А. Липатов, Н. Т. Савенков; предисл. С. С. Студеникина. М.: Госюриздат, 1957. 1046 с.
5. Лопатина О. И. Платность // Народное просвещение. 1923. № 3. С. 3-5.
6. Сообщения с мест // Народное просвещение. 1926. № 8. С. 30-33.
7. Ялозина Е. А. Социально-экономические проблемы развития отечественной школы в 1920-е годы: государственная политика и историческая реальность. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 184 с.

TUITION FEE AT THE SOVIET SCHOOL IN THE 1920S

Yalozina Elena Alekseevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation
elena_yalozina@mail.ru

This article deals with the reasons for the forced revision of the Bolshevik policy of the public financing of schools at the end of 1922. The peculiarities of the introduction of tuition fee and its further regulation and reduction at the beginning of the 1930s against the background of the declaration by the Soviet power of the universal education principle and its legislative consolidation are shown. The importance of tuition fee as a source of the multi-channel financing of the Soviet school in the conditions of new economic policy is emphasized.

Key words and phrases: People's Commissariat for Education; A. V. Lunacharsky; the 10th All-Russian Congress of Soviets; Soviet school; universal education; Soviet teaching; school financing; tuition fee; Constitution.